

СЕРГЕЙ ГАРИН

СТУДЕНТ
ИКОННИКОВ

Сергей Гарин
Студент Иконников

«Public Domain»

1911

Гарин С. А.

Студент Иконников / С. А. Гарин — «Public Domain», 1911

«Весна в этом году была ранняя: к концу февраля прилетели грачи, а в первых числах марта по улицам уже мчались бурные потоки мутной воды, и, если где и лежал еще снег, то был он весь черный от солнечных лучей и рыхлый, как подмоченный сахар. На улицах было как-то особенно светло и шумно. Кажется, ничего не изменилось: стояли те же самые дома, ехали и шли такие же люди, как и месяц назад, когда трещали крещенские морозы...»

Содержание

I	5
II	8
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Гарин

Студент Иконников

I

Весна в этом году была ранняя: к концу февраля прилетели грачи, а в первых числах марта по улицам уже мчались бурные потоки мутной воды, и, если где и лежал еще снег, то был он весь черный от солнечных лучей и рыхлый, как подмоченный сахар. На улицах было как-то особенно светло и шумно. Кажется, ничего не изменилось: стояли те же самые дома, ехали и шли такие же люди, как и месяц назад, когда трещали крещенские морозы.

Но что-то было уже не то; будто новые тени легли и на дома, и на лица людей. И, казалось, что наступает другая пора, – что открываются где-то новые горизонты, и предстоит что-то радостное и кипучее.

Так, по крайней мере, думал Афанасий Петрович Иконников, студент московского университета, пока шел по Никитской улице, направляясь на Бронную, где квартировал. Был он на первом курсе медицинского факультета, окончил гимназию всего год назад, но старался иметь внешность «настоящего» студента и по одежде, и по той небрежной походке, которую подметил и успел перенять от старых, заправских студизов.

Но напрасно он корчил из себя умудренного опытом и потрепанного судьбой обитателя «латинского» квартала: двадцать лет, ясные голубые глаза и пушок над верхней губой – говорили о полном незнании жизни и людей, и о той розовой призме, сквозь которую этот возраст смотрит на окружающее. И, когда, например, Иконников хотел казаться рассерженным и хмурил брови, – голубые глаза смотрели ласково, а в углах губ дрожала плохо скрываемая улыбка.

И сегодня Иконников, идя из университета домой, имел большое намерение быть в скверном настроении; лекции прекратились, у ворот храма науки стояли пешие и конные городовые, повсюду происходили сходки, и было далеко не до учения.

А Иконников был трудолюбив, хотел серьезно заниматься, любил посидеть в аудитории, покопаться в анатомическом театре. И будь он причастен к политике, как большинство его товарищей, может быть, его тоже захлестнуло бы волной студенческого движения, но, как ни странно для студента, Афанасий Петрович был «беспартийный», плохо разбирался в разных платформах и больше любил помечтать о природе, о красоте жизни, чем о социализме и восьмичасовом рабочем дне.

Вышел Иконников из ворот университета с нахмуренными бровями. Но едва сделал несколько шагов по улице, поглядел на ручейки несущейся около тротуара воды, на зайчиков от лучей, что прыгали по панели, по стенам домов и на лицах прохожих, – как на душе стало опять светло, и университетские события остались где-то позади и сделались неинтересны.

Раза два Иконников останавливался и смотрел, как на углу переулков, – где потоки воды были особенно стремительны и широки, – скоплялись прохожие и придумывали способы перейти на противоположный тротуар. Положение их было трагикомическое: иногда требовались чуть ли ни акробатические способности, чтобы перескочить площадь воды, более сажени шириной, или удержать равновесие, проходя по деревянной дощечке, положенной сердобольным дворником. Дощечка выгибалась, скользила по мокрым плитам тротуара и грозила соскочить с него, окунувшись в мутную пучину.

Для Иконникова эти препятствия не представляли затруднения. Он был молод, ноги его сильны и упруги, и он свободно перепрыгивал эти потоки, отделяясь от тротуара, как резиновый мяч.

Но не для всех прохожих это было возможно: некоторые прохожие, а в особенности – женщины, долго простаивали в нерешительности в конце тротуара и, или возвращались искать другие пути, или шли вперед со смехом, а иной раз, и с сердитой воркотней.

Афанасия Петровича все это забавляло. Он уже окончательно забыл об университете и полной грудью вдыхал московскую весну. Его забавляли дворники, для чего-то подгонявшие, несущуюся как горный поток воду, куцыми метлами; смешили переругивающиеся ломовики, наезжавшие друг на друга своими неуклюжими платформами с кладью, и растерявшийся городской не знающий, как прекратить скопление ломовиков на углу одного переулка.

Радовало студента и то, что ни у кого на лицах не было видно озлобления. И прохожие, и ломовики, и даже городской, – все они под лучами этого ласково весеннего солнца казались Афанасию Петровичу хорошими и безобидными, и было смотреть на них не больно, а смешно. И всем им хотелось Иконникову сказать какое-нибудь хорошее слово или просто, улыбнувшись, пожать им руку.

У самых Никитских ворот переправа на сторону Тверского бульвара была особенно затруднительна. Даже Иконников, бравший перед этим довольно серьезные препятствия, призадумался и, хотя перепрыгнул, но промочил ноги. Остальная же публика боялась идти по доске, которая для этого потока была коротка, и потому в этом месте прохожие не переходили.

Сзади Афанасия Петровича шла одна только молодая девушка. Когда студент перепрыгнул, она невольно вскрикнула:

– Ах, батюшки!.. Вот ловко!

Афанасий Петрович обернулся и увидел ее, улыбающуюся и, очевидно, завидующую.

– Так чего же вы?.. – крикнул он вызывающе. – Следуйте моему примеру!

Девушка испуганно на него посмотрела.

– Да что вы? Разве мне перепрыгнуть!

Она была, беспомощна в своей узкой, обтянувшей ноги, модной юбке, и Иконникову стало ее жалко.

– Хотите я вас перенесу?

Девушка вспыхнула.

Студент стоял, улыбаясь, сдвинув немного на затылок фуражку.

– Ну?

Смутилась, но ненадолго. Огонек загорелся в ее глазах.

– А вы... сможете?

Еще не договорила, а он был уже около нее. Правда, штиблеты были полны воды и концы брюк сузились и отвисли.

– Без сомнения... – ответил он на ее вопрос.

Улыбнулась, показав ряд мелких, как у мышонка, зубов. Но сейчас же сделалась серьезна.

– Но... мы даже с вами незнакомы!

– Это очень легко устранить, – он приподнял фуражку, – студент Иконников!

Она сказала какую-то фамилию и протянула руку. И добавила тоном, не допускающим возражения:

– Переносить, конечно, не нужно! А вот дайте мне руку и поддержите меня на этой доске.

– Да чего вы смущаетесь? – настаивал Афанасий Петрович. – Нас же с вами никто здесь не знает!

– Но... что подумают?

– Ничего особенного! Подумают, что мы муж и жена, брат и сестра, жених и невеста! Да, наконец, какое кому до нас дело?

Она посмотрела еще раз на поток, на хилую доску, на студента, оглянулась по сторонам и вдруг сказала:

– Несите!

Через секунду она была уже на руках студента, цепко охватила его шею, и он понес ее, стараясь поднять как можно выше, чтобы не замочить ее ног. Он чувствовал рядом со своим лицом ее лицо, запах ее волос и каких-то духов, острых, но приятных.

И когда он поставил ее бережно на противоположный тротуар, – оба были взволнованы и тяжело дышали.

– Ну, вот, – сказала она, поправляя шляпку и прическу. – Однако какой вы сильный!

Они пошли вместе по бульвару.

– Вам далеко идти? – спросила она.

– На Бронную. Я там живу.

– В чьем доме?

Он сказал и спросил, в свою очередь:

– А вы где живете?

– Вообразите, я тоже живу на Бронной! Но, только туда дальше – к Палашевскому переулку.

– Я вас провожу, – предложил Иконников. – Вы позволите?

– Нет, нет... не надо!

И, заметя удивленный взгляд студента, поспешила добавить:

– Вы не подумайте, что если я согласилась, чтобы вы меня перенесли, так мне все дозволено! У меня очень строгие родители. Нас могут увидеть вместе, и мне попадет. И к тому же я... невеста: в это воскресенье моя свадьба!

– Вот как! – разочарованно протянул студент. – За кого же вы выходите, если не секрет?

– Ну, какой же тут может быть секрет! Я выхожу за учителя.

Оба замолчали. На углу Малой Бронной Иконников остановился.

– Мне сюда! Прощайте!

Он приподнял фуражку и пошел. На душе от этой встречи остался неприятный осадок разочарования...

II

Иконников жил в меблированных комнатах, переполненных студентами и безработными актерами. Номерок у него был маленький, в одно окно, и платил он за него всего двенадцать рублей в месяц. Лишними деньгами Иконников не располагал. Тридцать рублей ему высылал ежемесячно отец, земский врач, да на столько же он имел уроков. Юноша он был скромный, и поэтому денег хватало.

В коридоре Афанасий Петрович столкнулся со студентом Рудзевичем, жившим от него через три номера. Рудзевич был медик третьего курса. Ходил он постоянно неряшливо одетым, не прочь был выпить, и потому Иконников его недолюбливал.

И теперь Рудзевич был немного пьян, и от него, за несколько шагов, пахло водкой.

Иконников хотел было незаметно проскочить в свой номер, но Рудзевич его окликнул и пошел к нему в расстегнутой тужурке, надетой на синюю рубаху, заложив руки в карманы, брюк.

– Вы, коллега, из университета?

– Да, – ответил, останавливаясь, Иконников. – А, что?

– Ну, что там: по-прежнему, фараоны?

– Полиции много.

– Гм! Ну, а того... столкновений не было?

– Пока никаких!

Рудзевич глубокомысленно скривил губы. Иконников открыл уже свой номер, когда Рудзевич сказал ему:

– Может, зайдете потом ко мне?

– А что у вас?

– Так, кое-кто из наших. Филатов... две курсистки.

Филатов был приятель и однокурсник Иконникова. Жил он в одном номере с Рудзевичем.

– Хорошо, зайду!

Номер у Рудзевича был большой, – в два окна. Когда Иконников вошел, кроме Филатова, был еще какой-то незнакомый рябой студент и две курсистки. На столе стоял небольшой медный самовар, бутылка водки, выпитая наполовину, колбаса и булки.

Иконников познакомился с курсистками и сел у окна.

– Может, хлопнете, коллега? – предложил Рудзевич, беря в руки бутылку.

– Он не пьет! – ответил за Иконникова Филатов.

– Тогда чайку!

– Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, коллега... – улыбнулся Афанасий Петрович, – я сейчас ничего не хочу.

Рудзевич отошел от стола и подошел к курсистке с черными, гладко зачесанными волосами, матовым лицом с синими жилками на висках и с довольно красивым профилем. Она сидела на стуле недалеко от Иконникова. На вид ей было лет девятнадцать-двадцать, но обвеянное какой-то тихой грустью лицо ее, поражало серьезностью не по летам.

– На чем мы остановились? – спросил Рудзевич. – Ах, да!.. Так вы говорите, Роза, что студенчество само виновато в последних событиях?

– Во всяком случае, я принципиально против химических обструкций, считая их насильем.

«Вероятно, еврейка, – подумал Иконников. – И, конечно, эсдечка».

– А что же прикажете делать? – спросил рябой студент. – На насилье мы отвечаем насильем! Мы же, не можем сражаться аргументами. Нам и остается химическая обструкция.

– Я стою за совершенно другую тактику. Желало провести студенчество забастовку – прекрасно. Уговорись, не ходи в аудитории, не занимайся в клиниках, в кабинетах. Тогда это будет идейный протест и фактически – забастовка.

– Но тогда лекции не прекратятся, – заметила вторая курсистка, высокая блондинка с тяжелой косой, подобранной в прическу. – Не будем мы ходить, будут читать для академистов!

– Ну, сколько их, жалкая горсточка! – сказал Иконников, молчавший до сих пор. – Для них одних лекций не будут читать.

– Ты так думаешь? – спросил Филатов. – Напрасно: этого добра у нас сколько хочешь!

– Тут дело совсем не в академистах, – улыбнулась Роза. – Дело в сознательном студенчестве. И вы меня совсем не понимаете. Я далеко не против забастовки, и сама все время за нее агитирую. Но когда забастовка протекает с насилием, то тот, кто пожелает и кому это нужно, всегда подведет ее под рубрику сопротивления властям. И тогда будут наше движение давить, уже ссылаясь на право, которое-де мы нарушили. Зачем же давать такой козырь реакции?

– Я вполне с вами согласен, – повернулся к ней Иконников. – Вот я вас, Роза...

Он запнулся, не зная ее отчества.

– Самойловна!.. – подсказала она.

– Вот я вас, Роза Самойловна, слушаю, и мне все время кажется, что говорите не вы, а я!

– Наконец-то одного сочувствующего нашла! – воскликнула курсистка.

– Удивительно, – сказал Филатов, наливая себе стакан чая. – А я тебя, Иконников, все время считал беспартийным!

Иконников почувствовал, что краснеет.

– Да, я этого и не отрицаю. Я как-то никогда не интересовался политикой, считая, что наука, прежде всего, должна быть вне ее.

– Ну, положим, вы ошибаетесь! – воскликнула Роза. – Меня даже удивляет, когда я слышу, что есть беспартийные студенты! Это так уродливо! Все равно, что лошадь без хвоста!

Иконников смутился.

– Странное сравнение, – пробормотал он. – Я не вижу мотивировки этому.

– Мотивировка – молодость! – крикнула курсистка. – Если в жилах студента течет кровь, а не подслащенная сахаром водица, он не может относиться безучастно к окружающему!

– Правильно! – сказал Рудзевич, наливая себе и рябому студенту водку.

– Ну, я иду! – поднялась Роза. – Вы пойдете, Вера?

Ее подруга тоже встала, и они обе надели кофточки и шляпки. Оделся и Филатов.

– Я вас провожу. Хотите?

– Пойдемте! Может быть, и господин беспартийный студент пойдет?

В голосе Розы прозвучала ирония. Иконников было вспыхнул, но сейчас же улыбнулся.

Он вышел вместе с Верой и Филатовым в коридор.

– А мы останемся, – сказал Рудзевич, подсаживаясь к рябому студенту. – Нам надо еще допить водку, а потом мы пойдем играть на бильярде.

Роза снова присела на стул.

– Не надоест вам пить, Рудзевич? Сколько я вас знаю, вы всегда пьете.

Рудзевич прищурил глаза, и тень пробежала по его лицу. Он скривил губы и сказал, смотря в одну точку:

– А вы что: цензор нравов, что ли?

Роза вздохнула, подошла к окну и стала тоскливо смотреть на улицу, а Рудзевич чокнулся с рябым студентом и сильно поставил пустую рюмку, на стол.

– Пей, Прохоров! Пей, ибо только пьяные срама не имут!

Роза обернулась и хотела что-то сказать, но в эту минуту дверь отворилась, и Вера ей крикнула:

– Роза, идемте!

Курсистка молча простилась со студентами и вышла.

– Она еврейка? – спросил Прохоров, когда они остались одни.

– Да! Она очень порядочный человек.

Рудзевич встал и начал ходить по номеру, заложив за спину руки.

– Очень порядочный и умный. Девушка с редким по красоте сердцем.

– Ты, кажется, влюблен в нее? – спросил Прохоров.

Рудзевич остановился посреди номера. Поднял голову и сказал серьезно и совершенно спокойно:

– Что? Влюблен? Это было бы пошло! Я люблю ее, вот это – да!

Он прислонился спиной к стене и скрестил на груди руки.

– В исключительных женщин не влюбляются, Прохоров, – их любят! А Роза исключительная женщина, способная на высокий подвиг, на великое самопожертвование. Ты знаешь, она проститутка? – спросит он после паузы.

Прохоров посмотрел на него большими глазами.

– Ты пьян, Рудзевич?

– Нет, не пьян! Конечно, она проститутка, только *de jure*, – продолжал он, отчеканивая каждое слово. – Она живет по желтому билету, ибо, как еврейка, только этим она купила себе право жительства в столице.

– Но разве курсистки-еврейки не могут жить в столицах?

– Могут, но не частных медицинских курсов. А Роза именно на них.

Прохоров перестал жевать и задумался, низко опустив голову, а Рудзевич подошел к столу и налил две рюмки водки.

– И она, эта чистая девушка... эта далекая от житейской грязи душа, должна еженедельно ходить туда, где осматривают последних девок, отвратительных, зараженных мегер. Правда, устроено так, что фактически ее не осматривают, но... Пей, Прохоров!

Они чокнулись и выпили.

– А ты откуда все это знаешь? – спросил Прохоров.

– Знаю! Не все ли тебе равно откуда?

Студенты замолчали и начали усиленно курить, окутывая себя клубами дыма. На столе уныло пищал догорающий самовар, а за окнами гулко хлопали по подоконникам капли снеговой воды, падающей с крыши. И, казалось, что кто-то, незримый, выбивает похоронной дробью бесконечную и тоскливую песню смерти.

III

Вера с Филатовым пошла впереди.

– Вы вместе живете? – спросил Иконников Розу, кивая глазами на ее подругу.

– Нет, она живет у родителей, а я – в номерах. А что?

– Ничего. Я так спросил.

Они прошли несколько шагов молча.

– Однако, вы меня, Роза Самойловна, сегодня смутили, – начал Иконников.

– Чем?

– Да как же, сказали, что я лошадь без хвоста!

Роза сбоку на него посмотрела.

– Уж вы не обиделись ли, чего доброго?

– Не обиделся, но меня это заставило задуматься.

– Хотите, я вам дам хороший совет?

– Пожалуйста!

– Милый друг, – она произнесла это особенно нежно, – в наше время нельзя жить только собою, надо немного подумать и о других!

Иконников молчал, а Роза продолжала говорить с увлечением. И, как и в номере Рудзевича, красные пятна алели на ее щеках.

– Будьте вы всем, кем хотите, но только не беспартийным! Даже черносотенец, и тот кипит в этом общем котле, и он творит волю пославшего его, хотя бы и злую.

Они незаметно прошли Тверской и Страстной бульвары и подошли к Петровскому. На углу Петровки их поджидали Вера с Филатовым.

– Ты зайдешь ко мне? – спросила Вера.

Роза подумала.

– Пожалуй! Ну-с, – обернулась она к студентам. – Вот и окончен наш путь!

Начали прощаться. Роза сильно, по-мужски, пожала руку Иконникову и, улыбаясь, продекламировала:

Так и сердце мое не откликнется вновь
На призыв твой, надеждой ласкающий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.